

Мамбеткулов А.Ш.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДА ДЕМОКРАТИЯЛЫК РЕЖИМДИ
КОНСТИТУЦИЯЛООНУН КЭЭ БИР МАСЕЛЕЛЕРИ**

Мамбеткулов А.Ш.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕЖИМА
ДЕМОКРАТИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

A.Sh.Mambetkulov

**SOME CONSTITUTIONALIZATION PROBLEMS OF DEMOCRACY REGIME
IN THE KYRGYZ REPUBLIC**

УДК: 342.4:321.7] (575.2)

Бул изилдөөдө азыркы учурда Кыргызстандагы конституциялык түзүлүштүн укуктук жана фактылык реалдуулукка, юридикалык маңызына туура келери жөнүндө суроого жооп алууга аракеттер көрүлдү. Бул Конституциянын нормаларынын анализинде жүргүзүлгөн байланышта Кыргызстанда конституциялизм процессинде башынан эле кемчиликтер болгондугу конституцияны жөнгө салуудагы жетишпегендиктерде көрүнүп турат.

Бул менен катар Негизги мыйзамдын ченемдерин ишке ашырууда коомдун өнүгүшүнүн конкреттүү тарыхый этаптарында коомдун саясий-укуктук жана башка милдеттери уюшулган материалдык, процессуалдык, процедуралык, техникалык ж.б. ченем түрлөрүнүн так механизмдеринин жоктугун автор кемчиликтер катары көрсөтөт.

Негизги сөздөр: конституциялык укук, посттранзиттик мамлекет, мамлекет, индивиддер, калк, аймак, ачык-укуктук билим, конституциялык түзүлүш, кептик карама-каршылык, чындык, Конституция, демократия, укук, реформалоо, укуктук мамиле, конституционализация, укуктук реформа, реформалар, бийлик, башкаруу, конфликт, укукту колдонуу, кайра түзүү, уюм, орган, кызыкчылык.

В настоящем исследовании предпринята попытка ответить на вопрос о соотношении юридической сущности конституционного строя, правовых и фактических реалий в современном Кыргызстане. В данной связи на примере анализа норм Конституции КР выявляются проблемы конституционного регулирования, что уже изначально подрывает процесс конституционализма в Кыргызстане. Наряду с этим недостатком автор выявляет отсутствие четкого механизма реализации норм Основного закона, как многомерного комплекса материальных, процессуальных, процедурных, технических и др. видов норм, образующих политико-правовые и иные социальные задачи общества, с учетом конкретно исторического этапа его развития

Ключевые слова: конституционное право, посттранзитные государства, государство, индивиды, население, территории, публично-правовые образования, конституционный строй, противоречие, реальность, Конституция, демократия, право, реформирование, правоотношения, конституционализация, правовые реформы, власть, управление, конфликт, правоприменение, преобразование, организация, орган, государство, интересы, власть и управление.

In this article an attempt was made to answer the question of the relationship between the legal entities of the constitutional system, the legal and factual realities in modern Kyrgyzstan. In this connection on example of the Constitution

norms' analysis constitutional regulation gaps are identified, that is initially undermines constitutionalism in Kyrgyzstan. Along with this the author reveals the absence of a clear mechanism for implementation of constitutional norms, as a multi-dimensional set of physical, procedural, technical and other kinds of norms that form the political, legal and other social problems of society, taking into account the specific historical stage of its development.

Keywords: constitutional law, post transit states, state, individuals, population, territories, public law education, constitutional system, discrepancy, reality, constitution, democracy, law, reformation, legal relationships, constitutionalization, legal reforms, authority, control, conflict, law enforcement, transformation, organization, organ, interests, power and authority.

В конституционном праве посттранзитных государств все более утверждается принцип использования роли государства и правовых рычагов для фактического выравнивания положения индивидов, групп населения, территорий (публично-правовых образований). Главный вопрос при этом состоит в том, каково соотношение юридической сущности конституционного строя, правовых и фактических реалий в современном государстве? Другими словами, Конституция, ее применение не должны вступать в противоречие с реальностью, при том, что реальность не должна вступать в противоречие с Конституцией, какими бы нечеткими формулировки в ней ни были.

С момента обретения Кыргызстаном независимости в Основном законе страны, в качестве приоритетных, были провозглашены основные ценности прогрессивного цивилизованного государства – демократия и право.

Анализ норм первой «независимой» Конституции Кыргызской Республики 1993 [1] года подтвердил решимость народа Кыргызской Республики сделать стремительный рывок к демократии, что означало конституционализацию демократических правовых ценностей в институты власти и управления. При этом Кыргызская Республика пошла по стандартному пути, которому следовали все постсоветские республики. Тексты их конституций были максимально выдержаны в демократическом духе, согласовывались с международными стандартами. Практика конституционного реформирования, как доказала история, была воспринята и

выдержана как общественным сознанием переходного периода, так и реалиями процессов государственно-правового строительства новых правоотношений. Однако планка первой волны правовых реформ в сфере власти и управления была настолько высока, что многие нормы конституций были просто обречены оставаться декларативными, что выявлялось в практике правоприменения. Некоторые положения Конституции остались либо за пределами правопонимания, либо были не достаточно конкретными, что, в конечном итоге, в частности, в Кыргызстане, привело к конфликту власти 2005 и 2010 гг.

Происшедшие политико-правовые конфликты в 2005 и 2010 гг., по нашему мнению, были выражением нарушения механизма реализации режима конституционализации сферы власти и управления. Недаром свое развитие административные реформы в Кыргызстане получили уже после того, как были проведены преобразования во многих других областях общественных отношений: гражданско-правовой, уголовно-правовой, процессуальных сферах, налоговой, таможенной и др.

Выразителем интересов любой организации, органа или государства в целом является его руководство, которое формулирует цели органа в условиях наличия конфликта интересов данного органа с окружающей средой, а также со своими личными интересами. Государство, по сути своей, есть ни что иное, как организация политической власти и управления.

Деятельность государства в области социального управления неразрывно связана с реализацией государственной власти, государственно-правовыми институтами, институтами ответственности и контроля. В более конкретизированном значении, приводя идею политической воли в реальность, власть реализует собственный политико-правовой потенциал, выделяя концепцию системы государственного аппарата.

Функции руководства, или управления государственными делами, возложены на специализированные органы государственной власти, классификация которых может быть проведена как по вертикали (центральные и территориальные), так и по горизонтали (органы исполнительной, законодательной и судебной власти).

Вне зависимости от указанной классификации, деятельность этих органов образует функциональную совокупность - самостоятельный государственно-правовой институт, имеющий свои организационно-правовые формы, содержание, функциональное назначение, цели и принципы. Институт государственного управления также имеет собственную систему и организационно-функциональную структуру.

Ценность конституционно-правового регулирования в данном случае, заключается в том, чтобы обозначить основы этой организационно-функциональной системы, выстроенные также на принципах

и содержании, конкретизацию которых мы обнаруживаем и в конституционном и отраслевом и законодательстве.

Однако, эффективность такой деятельности во многом зависит от правильного построения, соотношения внутри этой организационно-функциональной системы. Другими словами, от того, как на практике сработают все составные правовые элементы того или иного управленческого института, зависит их жизнеспособность и будут осуществлены социальные цели государственного управленческого аппарата в целом. Задача не простая, так как именно от функционально-управленческой состоятельности того или иного государства зависит, прежде всего, его внутренняя (конституционная) безопасность, экономическое развитие, политическое согласие и стабильность.

Происходящие конфликты во власти, выраженные вовне противостоянием сил: «низы» - «верхи», как раз указывают на проблемы в рассматриваемой области отношений. В данном случае, актуализируется затронутый нами вопрос, который можно сформулировать в двух плоскостях, в частности, либо:

- 1) об адекватности некоторых правовых положений по отношению к тому или иному обществу, т.е. применимости в данных исторических условиях;
- 2) о нарушении реализации механизма конституционализации, т.е. об отсутствии правовых механизмов, способных оживить нормы Основного закона и реализовать в практике правоприменения.

В обоих случаях, задача состоит не в отрицании противоречий в обществе (различия - это уже форма противоречий), а в том, чтобы закрепить в основном законе приемлемые для всего общества компромиссы, общественный консенсус по принципиальным вопросам, который может быть достигнут, прежде всего, на базе современных общечеловеческих ценностей (политическая власть народа на различных уровнях организации общества, включая местное самоуправление; демократия, включая огромную роль общественного мнения для «управляющей элиты»; права человека; социальная справедливость и др.).

Таким образом, современная Конституция Кыргызской Республики должна стать таким основным законом, который в юридических формулировках выражает достигнутый в обществе консенсус на базе признания общечеловеческих ценностей при учете и общеисторического развития государства и роли и политических амбициях доминирующего социального слоя, а также учете и соблюдении основных, жизненных интересов большинства населения при соблюдении прав меньшинства.

В первом случае, на наш взгляд, следует принимать во внимание, прежде всего, неестественный перелом в историческом развитии Кыргызстана, в результате чего возникли проблемы в «резком», «революционном» изменении политического, экономического, культурного сознания

общества. Это и повлекло ряд, прежде всего, политико-правовых издержек.

Не стоит забывать, что в советский период действовала иная, чем в демократических государствах исполнительная система, которая действовала в рамках жестко централизованной власти. Так, в ст. 6 Конституции Республики Кыргызстан от 20 апреля 1978 года [2] указывалось, что «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза...».

Государственная власть рассматриваемого периода была узурпирована и, соответственно, централизованна, хотя официально государство провозглашало себя общенародным. Поэтому в постсоветских республиках, вставших на путь независимого развития своей государственности, на первом этапе реформы государственного управления, были предприняты меры по департизации государственного аппарата и формированию конкретных органов исполнительной власти, которые по своей типологии и компетенции ничем не отличались от советских министерств и ведомств. На этом этапе, цель реформ формирует концепция правового государства, включающая принцип разделения гражданского общества и государства; принцип обеспечения основных прав граждан как области, автономной или даже полностью независимой от государственного вмешательства и административно-полицейского контроля [3].

Далее реформа государственного управления проходит на фоне укрепления гарантий прав личности, собственности и гражданской свободы, создания новой избирательной системы, введения институтов народного представительства, независимого судопроизводства, определенной автономности политических партий и прессы. Правовое опосредование реформаторства базируется на идее о том, что государство и общество не только взаимодействуют между собой, но и обслуживают друг друга (служат друг другу). В.Н. Уваров, в данном случае, достаточно четко определяет: «Политическая сущность государственной власти выражается в ее способности и возможности оказывать определяющее влияние на все стороны жизни общества, поведение людей и коллективов. Все это указывает на органическое единство государственной власти и управления в обществе» [4, с.78].

Принцип «преимущества закона», пока еще формально, но становится основополагающим и для сферы государственного управления и административного права в целом. Все это имеет прямые отголоски в современном обществе постсоветского типа, что весьма характерно и для Кыргызстана. Указанные выше политико-правовые конфликты в Кыргызстане, подтвердили, что при всеобщем ожидании перемен к лучшему появились новые проблемы и, как следствие, неготовность к их

решению вызвало торможение всего процесса административных реформ. Кыргызскими исследователями подчеркивается, что ситуация в Кыргызстане остается непредсказуемой. Верховенство права, приоритет прав и свобод человека и гражданина, разделение властей как новые конституционные принципы признаются, но это не сопровождается реальным укреплением государственной власти. При обилии законов очень низок уровень законности, а население все больше отчуждается от власти. Текущие перестройки в управлении не дают ощутимых результатов [5].

Во втором случае, когда мы говорим о нарушении реализации механизма конституционализации, мы поднимаем вопрос не только об отсутствии правовых механизмов, способных оживить нормы Основного закона и реализовать их в практике правоприменения, но и об ошибках самого процесса конституционирования. Так, например, в действующей редакции Конституции 2010 года [6] среди принципов государственной власти указан принцип ее разделения (пп.2 ст.3), но при этом не указывается количество и не проводится поименование ветвей государственной власти. Это, в свою очередь, наводит на мысль о возможности образования в Кыргызской Республике и президентской и иных ветвей власти. Более того, при конституционализации институтов парламентаризма и неформальном объявлении республики парламентарной, разработчики новой Конституции не вложили в ее текст нормы, уточняющей действующую систему правления. В Конституционно-правовом порядке, как правило, система правления находит свое фундаментальное положение среди других политико-правовых институтов. В п.1 ст.2 Конституции Республики Казахстан, например, закреплено: «Республика Казахстан является унитарным государством с президентской формой правления» [7].

Подобного рода конституционные пробелы начинают конкурировать с новыми реалиями, разрушающими фундаментальные основы демократии. Так, например, за истекшие столетия появились новые виды органов государства, которые «не вписываются» в известную триаду. Д.Локк и Ш-Л.Монтескье, предлагая свои концепции разделения властей, исходили из реалий и прогнозов для своего времени. Между тем названия ветвей власти у них неодинаковы, в науку вошел перечень Ш-Л.Монтескье: законодательная, исполнительная, судебная власти.

Эти новые реалии расшатывают закрепленный в конституциях постсоветских государств принцип единства государственной власти и разделения ее ветвей, так как проблема единой государственной власти выходит за рамки системы органов. Поэтому вопрос о единой социальной природе государственной власти в Кыргызстане, на наш взгляд, должен найти отражение в конституционных формулировках.

Единая государственная власть, как известно, не должна быть сосредоточена в одних руках или у одного органа государства, а должна быть разделена на ветви.

Так, например, подходу с позиции формально-правовой, правоведы Кыргызской Республики оценивая характерные особенности правового статуса исполнительной власти рассматриваемого периода, отмечали: «.. исполнительная власть республики стала включать в себя ряд пересекающихся уровней: президентской, правительственной и местных органов власти» [8,с.4]. В данном смысле исследованию подверглось взаимное соотношение Президента с исполнительной властью при фактическом государственно-правовом устройстве страны. Так, официально не называя республику президентской, Конституция 1993 года лишь провозгласила: «Кыргызская Республика (Кыргызстан) - суверенное, унитарное, демократическое, правовое, светское, социальное государство» (п.1 ст.1). Тем не менее, дальнейший анализ норм Конституции дает понять, что оснований не считать Кыргызстан республикой с президентской формой правления – практически нет.

Для президентской республики характерным является то, что президент является главой исполнительной власти и, как следствие, - высшим должностным лицом. Так, согласно разделу 1 ст. II Конституции США «Исполнительная власть предоставляется Президенту Соединенных Штатов» [9].

В Кыргызской Республике, например, в соответствии с Конституцией 1993 года за Президентом признавался статус высшего должностного лица (п.1 ст.42), тем не менее, он все же был выделен из системы разделения властей, образуя отдельную ветвь неформальной «президентской» власти (п.2 ст.42). Это, пожалуй, главное противоречие, образовавшееся в системе разделения властей в государствах постсоветского пространства. Аргументируя данный вывод, уточним, что никакому должностному лицу нельзя иметь функции и властные полномочия вне какой-либо власти и, более того, любые попытки отнести статус президента к отдельной четвертой власти противоречат конституционному принципу триединства государственной власти, закрепленного в ст.7 Конституции Кыргызской Республики 1993 года.

В соответствии с п.1 ст. 60 Конституции Кыргызской Республики 2010 «Президент является главой государства». Однако понятие «глава государства», само по себе, не включает в себя рамок его полномочий в условиях конституционной демократии, поэтому правоведомы постсоветских государств с суперпрезидентской системой правления производятся многочисленные попытки обусловить сложившиеся политико-правовые тенденции. Так, например, положение президента в теории современного государственного права отождествляется с арбитражным. Так, например, К.К. Айтхожин отмечает, что «органы государственной власти, особенно,

в сложнейших условиях переходного времени не должны оставаться вне президентского арбитража главы государства, который, не состоя с этими органами в отношениях власти-подчинения, тем не менее, обязан обеспечивать их согласованное функционирование, необходимое единство государственной власти. Вместе с тем свою арбитражную функцию Президент Республики Казахстан реализует, не подменяя и не отодвигая в сторону ни один из государственных органов, не нарушая их самостоятельности и не вторгаясь в их конституционные полномочия» [10,с.26].

А.А. Бекназаров также подчеркивает: «В Конституции сохранилась монополистическая модель государственной власти. Фактически создана монополия Президента КР и его администрации. .. создана такая конституционная модель государства, которая давала возможность олигархическим кланам оказывать большее внимание на политический процесс, чем все общественные институты вместе взятые. Более того, существующая модель государственной власти позволила государственной бюрократии сражаться с олигархическими кланами» [11,с.34].

Кардинальные меры в отношении установления баланса властей предлагает российский правовед И. А. Дудко. Автор, во-первых, считает, что, исходя из реалий отсутствия конкурентности ветвей власти, следует отказаться от определения Президента как гаранта Конституции, ибо данное положение сужает возможности и правовой потенциал иных публичных государственных органов; во-вторых, полномочия Президента должны быть ограничены одним сроком без права переизбрания; в-третьих, требует более четкого выражения контрольная функция законодательной власти по отношению к другим ветвям власти с учетом их специфики...» [12,с.104].

Более того, в условиях вживления парламентаризма в Кыргызстане, в закрепленном Конституцией 2010 года статусе Президента страны как главы государства видится противоречие с системой парламентарного правления, которую мы обнаруживаем при опосредованном анализе норм о конституционно - правовом положении Правительства Кыргызской Республики (ст.85), если не учесть высокую долю формализма, присущую компетенции главы государства.

Формирование институтов парламентаризма в Кыргызстане, сопровождается также усилением политико-правовой роли органов исполнительной власти, в частности Правительства Кыргызской Республики. Данная расстановка политического взаимовлияния в системе разделения властей характеризует кыргызстанскую демократию, как прогрессивный феномен, сформировавшийся на данном этапе конституционных и административных реформ на постсоветской пространстве [13, с.85].

Анализ норм Конституции 2010 года и Конституционного закона о Правительстве, подтверждает неоспоримость фактора усиления

статусной роли Премьер-министра как высшего должностного лица, возглавляющего Правительство Кыргызской Республики (п.1 ст.18 КЗКР О Правительстве [14]). Как доказывает объем врученных ему полномочий на фоне достаточно формальных, а соответственно, политически «ослабленных» функций Президента страны, в перспективе, позиции Премьер-министра будут только укрепляться [13,с.139].

Таким образом, учитывая особенности формы и системы правления в Кыргызской Республике, можно выделить единственную конкурентноспособную среду, формально облекающую одно из основных соотношений в системе разделения властей: Президент - Премьер министр, так как Президент обладает конституционно-правовым статусом главы государства. Конечно, это исключение для парламентарного государства.

Для президентских республик, где главой государства провозглашен Президент, характерным является то, что президент, возглавляющий кабинет министров фактически является главой правительства. В полупрезидентских республиках правительство, также подотчетно президенту, в руках которого на деле сосредоточено общее руководство исполнительной деятельности, хотя по конституции исполнительная власть может принадлежать лишь правительству. Подобная «двухголовость» исполнительной власти не может не вызывать многочисленных практических и идеологических сложностей, связанных с попранием демократических традиций, господством единоначалия во власти и ее жесткой централизацией.

Во многом направление деятельности правительственной власти, соотношение реальных полномочий между Президентом и Премьером в реализации исполнительной власти, их влияние на осуществление государственной политики зависит от партийно-политической принадлежности этих высших должностных лиц. Так, например, если Премьер принадлежит к партии, лидером которой является Президент, то последний превращается в исключительно влиятельную фигуру, совмещая функции главы государства и главы исполнительной власти. Премьер превращается в высокопоставленного сотрудника Президента, который, опираясь на послушное парламентское большинство, может легко сместить его и назначить первого [15,с.245-246]. Данная ситуация, уже несколько лет складывается в Российской Федерации, при которой Президент и Премьер принадлежат к партии «Единая Россия».

Власть в этих условиях реализуется согласованно и централизованно. В этом случае Президент может самостоятельно действовать в сфере правительственных полномочий, контрассигнация Премьера превращается почти в формальность.

Положение решительно меняется в случае потери президентской партией большинства в нижней палате парламента и формирования

Правительства противостоящими ей политическими силами. Тогда полномочия Президента резко сокращаются, и через правило контрассигнации Премьер может пресечь попытки Президента активно участвовать в правительственных делах. Одновременно и Президент может парализовать деятельность Правительства, отказываясь подписывать его документы [15,с.245-246].

Опасность конфликта между двумя руководителями исполнительной власти долгое время в Кыргызстане являлась потенциальной. В Кыргызской Республике подобный конфликт исключен в связи с утерей Президентом ключевых (политических) позиций. Прежде всего, Президент освобожден от какого-либо партийно-политического участия. Так, например, в соответствии с п.3 ст. 63 Конституции Кыргызской Республики: «Президент на период осуществления своих полномочий приостанавливает свое членство в политической партии и прекращает любые действия, связанные с деятельностью политических партий». И это несмотря на то, что в соответствии с п.3 ст. 49 Конституционного Закон Кыргызской Республики от 2 июля 2011 года № 68 «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики»: «Право выдвижения кандидатов на должность Президента принадлежит гражданам путем самовыдвижения, а также политическим партиям, зарегистрированным в установленном порядке на день официального опубликования решения о назначении выборов» [16].

Премьер, напротив, является партийным «ставленником», так как кандидата в Премьеры выдвигает фракция, или иными словами партия, имеющая более половины депутатских мандатов, или коалиция фракций Парламента [13,с.141].

В Конституции Кыргызской Республики 2010 года принцип разделения властей закреплён следующим образом: государственная власть в Кыргызской Республике основывается на принципе разграничения функций и полномочий государственных органов и органов местного самоуправления (пп.4.ст.3). Таким образом, принцип разделения властей в Конституции КР модифицирован на принцип разграничения функций и полномочий между государственными органами, а также государственными органами и органами местного самоуправления, что не совсем одно и то же, так как может предполагать и вертикальные внутриведомственные отношения. Однако, и здесь не обошлось без неясностей. В процессе конституционализации нового для кыргызстанского общества правового порядка государственного управления стал очевидным разрыв, существующий между конституционно-правовым статусом института или органа управления и его реальным положением. Как следствие, - дуализм исполнительной власти в лице президента, его администрации и правительства. Это тем более парадоксально в условиях нового парламентаризма в Кыргызстане. Но стоит указать, что проблема

большинства постсоветских государств, отказавшихся от классического парламентаризма и расширивших полномочия президента, как главы государства, не связана с расширением границ понимания теории разделения властей, как например, на Западе, где акцентируются такие виды властей, как избирательная, контрольная, средств массовой информации и др.

В Кыргызстане, также как и в России, Казахстане и других постсоветских государствах, при использовании формально-юридического инструментария и организационных действий формируется такое понимание конституционализма, когда во главу угла ставится не конституционность как парадигма развития правовой и политической жизни страны, построенной на идеалах и фундаментальных конструкциях, а о «командовании конституционностью». В этой ситуации, расстановка политических сил между ветвями власти и соответствующие попытки конституционного закрепления статуса и полномочий высших и местных органов управления, уже фиктивная проблема. Неслучайно кыргызстанскими исследователями по результатам действия конституционного режима подчеркивалось, что «...реальное существование в Кыргызстане трех ветвей власти не исключило проблем, связанных с его государственным устройством. Стала ясной необходимость перестройки не только формы государственного управления, но и самой его сути: государственное управление должно наполниться новым содержанием» [17].

Известно, что в правовом государстве организационное единство и последующая децентрализация органов управления основывается на анализе имеющихся у органов управления властных полномочий, а также на взвешенном, целесообразном и эффективном их использовании. При этом под управлением подразумевается целенаправленное воздействие на систему, которой в данном случае являются и государство, и общество. Цель управления, таким образом, является обязательным компонентом, куда входят не только конечное желаемое состояние системы, но и вся траектория движения к ней с учетом первичности публично задаваемых ценностей и целей развития перед целями административно-управленческими. Однако выявление системных целей современного общества и государства представляет определенные сложности. В результате провозглашаемые тем или иным органом либо государством цели не всегда совпадают с истинными. Закрепленные на конституционно-правовом уровне цели в процессе их практической реализации существенным образом видоизменяются, подчас трансформируясь в свою противоположность, в результате чего нормы Основного Закона воспринимаются как нечто, оторванное от реальности. Определенное качество меры, касаемое вопроса о цели и задачах аппарата управления государством, должно быть закреплено в Конституции и отвечать следующим требованиям:

1) быть реалистичны, достижимы при наличии определенных, необходимых для этого ресурсов (финансовых, материальных и временных);

2) быть конкретными, чтобы любое продвижение к цели вносило вклад в решение именно данной проблемы, а не какой-то другой;

3) измеримы, что позволит отслеживать процесс движения к цели путем измерений.

«Провисание» хотя бы одного из указанных факторов делает конституционное целеполагание дефектным, что отражается на перспективах всего конституционного строя. Поэтому довольно распространенные предложения по поиску эволюционных путей выхода из кризиса конституционализма, такие как «правовое оформление института конституционной ответственности министров» или «расширение средств и методов парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти» [18, с.345-346], хотя в целом могут быть поддержаны, при существующей системе конституционного целеполагания, на наш взгляд, не принесут желаемых результатов. Начинать процесс управления развитием государства следует с четкой формулировки целей и ценностей этого государства как системного образования.

Соответственно поиск максимально эффективной политико-правовой формы управления при учете всех выявляемых тенденций и стабильных функциональных характеристик органов управления, связывается, прежде всего, с постановкой четких целей управления в конституционном поле правовой действительности. В процессе конституционализации должен быть разработан и действовать механизм реализации норм Основного закона, как многомерный комплекс материальных, процессуальных, процедурных, технических и др. видов норм, образующих политико-правовые и иные социальные задачи общества, с учетом конкретно исторического этапа его развития.

Литература:

1. Конституция 1993 года. Принята на двенадцатой сессии Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 год// И-пС «ТОКТОМ».
2. Конституция (Основной Закон) Республики Кыргызстан от 20 апреля 1978 года//ИС «Параграф».
3. Гессен В.М. О правовом государстве. Спб., 1906.
4. Уваров В.И. Теория государственного управления. Учебник Петропавловской Северо-Казахстанской юридической академии. 2006 г. (473 с).
5. Сыдыкова Л. Проблемы реформирования исполнительной власти и органов государственного управления в КР//Бюллетень «Право и предпринимательство» № 5, октябрь 2000.
6. Конституция КР 2010. Принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года//И-пС «ТОКТОМ».
7. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на

- 02.02.2011 г.)// «Казахстанская правда» от 8 сентября 1995 г..
8. Норматов Х.Б. Полномочия Президента Кыргызской Республики в сфере исполнительной власти//Вестник Кыргызской Государственной юридической академии № 1, 2005.
 9. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия / под ред. В.В. Маклакова. - М.: Волтерс Клувер, 2009.
 10. Айтхожин К.К. Конституционная модель президентской формы правления: проблемы совершенствования // Конституционное строительство президентско-парламентских взаимоотношений на постсоветском пространстве. - Бишкек: ОФЦИР, 2003.
 11. Бекназаров А.А. Принятие новой Конституции Кыргызской Республики – правовая предпосылка перехода к демократическому правовому социальному государству// Вестник. Научно-методический журнал Кыргызской Государственной юридической Академии № 2, 2010.
 12. Добрынин Н.М. О категории целеполагания в контексте конституционализма// «Государство и право» 2011, № 11.
 13. Мамбеткулов А.Ш. Система органов исполнительной власти в Кыргызской Республике: конституционно-правовой статус и проблемы модернизации. Дисс. на соиск. учен. степ. д.ю.н. Бишкек 2013.
 14. Конституционный Закон Кыргызской Республики «О Правительстве Кыргызской Республики»г.Бишкек от 18 июня 2012 года N 85//И-пС «ТОКТОМ».
 15. Пронкин С.В., Пертунина О.В. Государственное управление зарубежных стран: учебное пособие. М., КДУ. 2007.
 16. Конституционный Закон Кыргызской Республики от 2 июля 2011 года № 68 «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» (с изменениями от 25.11.2011 г.)// «Эркин Тоо» от 5 июля 2011 года № 54.
 17. Сыдыкова Л. Проблемы реформирования исполнительной власти и органов государственного управления в КР//Бюллетень «Право и предпринимательство» № 5, октябрь 2000.
 18. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебн. пос. М.; Новосибирск, 2000 №. 11.

Рецензент: д.ю.н., доцент Рысмендеев Б.Дж.